

О СТИЛЕ ЗАМЕТОК ЧЖУ ЦЗЯНЬГАНА

П.А. ОЛЬХОВ

Чжу Цзяньган – доктор филологических наук из Университета Сучжоу (провинция Цзянсу, Китай) и первый систематический исследователь наследия Н.Н. Страхова в Китае. До сих пор его работы не переводились на русский язык. Представленная публикация, первая в России, – результат сотрудничества Чжу Цзяньгана с коллегами из Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ») и уникальной библиотекой-музеем Н.Н. Страхова, которая создана в Белгороде, на родине русского мыслителя.

Публикация подготовлена Чжу Цзяньганом на китайском языке; переводчики – выпускница Харбинского государственного университета (КНР), аспирантка Российского университета дружбы народов Цуй Ливэй, и выпускник Белгородского государственного национального университета, аспирант Института Дальнего Востока Российской академии наук Олег Лин. Перевод авторизован.

Всякий перевод отличается от оригинала; здесь эти отличия связаны со следующим. В языке китайских гуманитарных наук отсутствует та историческая однозначность, которая есть в языке русской гуманитаристики, часто опирающейся на заимствования. Романо-германские и греческие корни слов «нигилизм», «материализм», «позитивизм», «сциентизм», «идеология», «лозунг» и т.п. придают русскому научному тексту некоторую отрешенность и специфическую автономию – делают его то информационно безличным, то провоцируют определенные стилистические антиэмфазы, «намекают» на некие общетеоретические смыслы и т.д. В китайском научном языке этим словам соответствуют такие, которые выведены, как правило, из языка естественного, имеют китайские корни и куда менее абстрактны. Переводчики, разумеется, не решились следовать буквально китайской традиции – написать, например, «наукализм» вместо привычного «сциентизм», или «ничтожизм» вместо «нигилизм» (соответственно, 科学主义, 虚无主义) и многие другие. Это сделало бы сам перевод излишне заметным, придало бы тексту несвойственную ему вычурность. Единственное, на что осмелились здесь переводчики – изредка прибавлять к русско-иноязычному аналогу китайских слов-терминов слова и словосочетания уже русские по происхождению, отсутствующие в оригинальном тексте, но уточняющие особенности употребления терминов в оригинале.

В переводе нельзя было не учитывать и авторскую пластичность научного языка Чжу Цзяньгана, его научно подробное, детальное и, одновременно, метафоричное письмо. Эта непереводаемая особенность стиля письма передана через сходные русские образы и стилистические фигуры. Русский язык более громоздок; перевод чуть многословнее оригинала. Победить это многословие переводчики попытались за счет доступных им стилистико-синтаксических средств – в редких случаях решаясь на дополнительное абзацное членение или, напротив, интеграцию некоторых сверхфразовых единств, инверсию и т.п. Русский перевод получился чуть более эмоциональным, нежели оригинал, но с этим было справиться труднее всего – замысел самих заметок и личное обаяние доктора Чжу Цзяньгана, с которым переводчики знакомы лично, препятствовали этому. Научная редакция перевода происходила в тесном сотрудничестве с автором и состояла в уточнении (сокращении или расширении) тех контекстов, которые, как представлялось, являются избыточными или недостаточными для русского академического читателя.